

ИРИНА
ЧАРДЫМОВА

Двойное счастье
ДЛЯ ЛЮТОГО

Ирина Чардымова

Двойное счастье для Лютого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68807454

SelfPub; 2023

Аннотация

Я пять лет жила и училась за границей. Я с нетерпением ждала возвращения домой и встречи с родителями. Но я даже предположить не могла, каким кошмаром обернётся для меня возвращение домой... – Теперь ты не просто моя жена, теперь ты моя собственность! – процедил он, сквозь зубы, надвигаясь на меня словно скала. – Ты родишь мне ребенка, и я заберу его у тебя точно так же как твой отец забрал мою семью. – С нескрываемым презрением сказал он. – Но я об этом ничего не знала, – глупо пыталась оправдаться я, – я ни в чем не виновата. – Я тоже был ни в чём не виноват, но твоего отца это не остановило! Ничто и никто теперь не остановит и меня! Ты мне за всё заплатишь!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	67
Глава 13	73
Глава 14	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ирина Чардымова

Двойное счастье для Лютого

Глава 1

Пять лет, прошло уже целых пять лет, как я уехала учиться за границу. Я не хотела никуда уезжать, считая, что смогу и в России получить хорошее образование. Но мой отец настоял на моём отъезде. Тем более что в институте появилась такая возможность. Я попала в программу по обмену студентами. И как мне сказал отец, глупо не воспользоваться такой возможностью. Может он был и прав, поэтому немного посомневавшись, я всё же согласилась на отъезд. И не пожалела. Я получила за границей не только отличное образование, но и хороший языковой опыт, а так же успела пройти практику в одной из заграничных клиник.

Но как бы хорошо мне там не было, меня дико тянуло домой. Я скучала по родителям, по своему городу, по своему дому.

И вот наконец-то я дома. Спустившись с трапа, я подняла глаза в небо, в родное небо, где светило яркое солнце. Казалось, солнце везде одинаково светит, но нет, на родной зем-

ле оно и светит ярче и греет теплее.

Я нетерпением ждала встречи с родителями, хотелось их увидеть, обнять. Как я по ним скучала всё это время. Конечно, мы общались с ними по телефону и по видеосвязи. Но ничто не сможет заменить человеческого общения. Ничто не сможет заменить объятий мамы и папы, их тёплых рук. Поэтому я с нетерпением ждала с ними встречи. Я искала их глазами в толпе встречающих, пытаюсь найти сквозь сотни незнакомых мне людей родные черты. Но всё тщетно. В аэропорту их почему-то не было. Сколько бы я не вглядывалась в толпу, я так их и не увидела.

Странно, на них это не похоже. А хотя, может в пробку попали? Или ещё какие-то непредвиденные обстоятельства. Я успокаивала себя, как могла, но червячок беспокойства уже усердно глодал мою душу.

Так, всё, хватит нервничать, скомандовала я себе и достала телефон, чтобы позвонить. Понимая, что папа может быть сейчас за рулём, я набрала номер мамы. Но на звонок мне никто так и не ответил. Тогда я позвонила папе и снова тишины.

Тогда я уже начала серьёзно волноваться. Где они? Почему мои родители не встретили меня? Ведь ещё вчера мы с ними всё обсудили. Они записали время моё прибытия, аэропорт в котором должен был приземлиться самолёт. К тому же у них есть отличительная привычка, они никогда не опаздывают. Мой отец терпеть не может тех, кто опаздывает,

даже хотя бы на минуту. Он всегда ругает и наказывает за это своих подчинённых. А у него, на секундочку солидная строительная фирма с тысячами подчинённых. Да и мама, не смотря на то, что она женщина, и как принято считать, что женщина имеет право на опоздание, никогда себе этого не позволяла. Они всегда и везде приезжали намного раньше, чем было нужно. Поэтому сейчас я начала сильно волноваться за них. И в моё воображение уже начало рисовать страшные картины. А сердце усиленно биться, отдаваясь гулким эхом в ушах.

Ещё немного подождав, я решила взять такси и поехать домой сама. Тем более что другого выхода у меня не было. Я пять лет не была дома, поэтому не знала ни одного номера такси. Благо таксистов в аэропорту всегда много. Кого-то провожают, кого-то встречают, поэтому такси постоянно сменяют друг друга.

Выйдя на улицу, я увидела только что подъехавшее такси, из которого вышла шумная семья с тремя детьми. Крича, дети бегали друг за другом, пока их родители выгружали свой багаж из машины. Но чем больше они выгружали вещей, тем сильнее мои глаза прибавлялись от удивления. Как только такое количество чемоданов и сумок могло поместиться в такую маленькую машинку отечественного производства. Да ещё и пять человек при этом в ней были, естественно не считая водителя.

– Девушка, такси? – услышала я мужской голос.

Очнувшись будто ото сна, я увидела перед собой мужчину, хозяина той самой вместительной чудо машины.

– Что простите? – переспросила я.

– Говорю вам такси нужно? – повторил он свой вопрос.

– Да, нужно. – Ответила я.

– Садитесь, – мужчина положил мой чемодан в багажник, затем галантно открыл мне дверь машины.

Вот ведь истину говорят, неважно, на чём ты едешь, сколько у тебя денег и какую одежду ты носишь, главное, что у тебя внутри. Главное содержимое твоей души. А если там, в душе, пусто, то и деньги никакие не помогут.

Вот и этот человек, имея старенькую машину, таксуя, чтобы заработать денег для семьи, оказался галантным и услужливым человеком.

– Куда едем? – улыбаясь мне лучезарной и доброй улыбкой, спросил мужчина.

Я назвала ему свой адрес, и мы отправились в путь.

– Из отпуска едите? – спросил он.

– Нет, с учёбы. Я пять лет за границей жила. – Ответила я.

– На кого учились? – поинтересовался мужчина.

– Врач-кардиолог. – ответила я.

– Хорошая профессия, – одобрил он. – Здесь думаете работать или за границу вернётесь?

– Конечно здесь, – уверенно ответила я.

Я всегда мечтала стать доктором и лечить людей. Ещё с детства я интересовалась медициной, читала книги, энцик-

лопедии. Меня эта тема просто завораживала. Но я никак не могла определиться в какой области мне работать. Пока не умер мой дедушка. К тому времени у моего отца уже был свой успешно развивающийся бизнес, но даже деньги не помогли спасти деда. Не смогли только потому, что всё произошло совсем внезапно. А в нашем городе просто не было хирурга-кардиолога с соответствующими знаниями. Счёт шёл на минуты, мой отец поднял всех, чтобы привезти доктора из Москвы. Но он не успел. В то время, когда нужный доктор подъезжал к клинике, сердце деда остановилось. Мы не успели.

Я была ещё подростком, но уже тогда твёрдо решила кем я стану. И с тех пор уверенно и целенаправленно шла к этой цели. Я с отличием окончила школу, поступила в престижный медицинский институт. А потом уехала за границу по программе обмена студентами. И вот сейчас я возвращаюсь в родной город не просто дипломированным специалистом, но и имея за плечами хорошую практику с выдающимися профессорами.

За разговорами мы не заметили, как подъехали к моему дому. Мужчина вновь галантно помог мне выйти из машины, достал мой чемодан из багажника. А затем, получив от меня оплату, попрощавшись, уехал.

Ну а я осталась стоять у дома, моего родного дома. Нажав на звонок, я стала ждать, когда мне откроют. Но время шло, а дверь мне так никто и не открывал.

Да что, чёрт возьми, происходит?! Куда они все подевались? Я вновь достала телефон и позвонила поочерёдно сначала маме, а затем папе. Трубку снова не взяли.

Тогда я вновь позвонила в дом. Тут я увидела, что из дома вышел накаченный мужчина ростом под два метра и неторопливой походкой направился в мою сторону

– Что надо? – грубо пробасил мужчина. – Ты кто такая?!

– Меня зовут Дмитриева Арина Николаевна. Я дочь хозяйки этого дома. – Объяснила ему я. – Откройте дверь, пожалуйста.

– Ни чего себе, – хмыкнул он, – а чего у Лютого уже такая дочка есть? И когда только успел.

– У какого ещё лютого? – ничего не понимала я. – Это дом Дмитриева Николая Алексеевича.

– Не-е-е, – протянул он. – Этот дом уже как месяц Лютому принадлежит.

– А мой отец тогда где? – спросила я его, искренне не понимая, почему теперь дом моих родителей принадлежит какому-то лютому.

Бр-р. Звучит-то как, аж мурашки по коже от страха бегут.

– А это ты у Лютого спроси! – ответил он и пошёл прочь, показывая тем самым, что больше вести со мной беседу он не собирается.

Глава 2

Что сейчас происходит, я вообще не понимала. Куда подевались мои родители? Почему не берут трубку, если раньше за ними такого не наблюдалось. Даже если они пропускали звонок, то тут же перезванивали или же, если не могли перезвонить, писали сообщение. А тут прошло уже почти два часа, как я прилетела и ничего, никаких звонков, тишина. Почему теперь мой дом принадлежит чужому человеку с жутким прозвищем лютый? Что вообще здесь происходит?

Эти вопросы стрелой пролетали у меня в голове, сея панику в моём сердце за близких и самых родных мне людей, моих родителей.

Куда мне сейчас ехать и где искать моих родителей я не знала. Единственное, что пришло мне на ум, это позвонить моей крёстной и по совместительству подруге моей мамы Алине Сергеевне Черкасовой. Благо её номер был в моём телефоне. Сначала трубку долго не брали, и я снова начала нервничать. Затем я услышала знакомый и родной голос крёстной.

- Алло, – раздался усталый голос. – Слушаю вас.
- Крёстная, это Арина. – Представилась я.
- Арина, деточка! – оживилась она. – Вернулась, слава Богу.
- Да, я вернулась, только ничего понять не могу. Вы мо-

жете объяснить, что происходит? – сразу начала с главного я.

– Ох, девонька, – тяжело вздохнула крёстная. – Тут столько всего произошло.

– Где мои родители? – продолжила спрашивать я. – Они обещали меня встретить, но не приехали и трубку не берут.

– Приезжай по адресу, который я тебе скину, и всё узнаешь. – Объяснила загадками она.

– Хорошо, только скинь мне ещё номер такси, потому что я ни одного не знаю. – Согласилась я, поняв, что больше от неё всё равно ничего не добьюсь.

Едва я сбросила разговор, как на мой телефон пришло сообщение с адресом. Не теряя даром времени, я тут же вызвала такси. Благо машина приехала буквально через минут двадцать. Мужчина молча погрузил мой чемодан в багажник. Так же молча сел за руль. В отличие от первого таксиста, он был не многословен. Лишь уточнил адрес, и мы отправились в путь.

– Мы точно по тому адресу приехали? – поинтересовалась я, поняв, что мы остановились у больницы, которой раньше здесь не было.

Когда я уезжала, здесь был заложен фундамент жилого дома. Застройщик собрал деньги с пайщиков, которые вложились в строительство, а затем сбежал. А строительство жилого дома так и осталось в проекте. Надо же, значит, кто-то всё же выкупил этот недострой и построил на месте запланированного дома большую пятиэтажную больницу.

Но сейчас меня это волновало меньше всего. Сейчас был вопрос в другом, почему крёстная скинула мне адрес больницы.

— Куда сказали, туда и приехали. — Недовольно пробурчал мужчина и вышел из машины.

Он достал мой чемодан, взял с меня деньги, а затем молча сел в машину и уехал. Я же достала телефон и набрала номер крёстной.

— Я приехала по адресу, который ты назвала, но тут... — начала объяснять я, но она прервала меня.

— Всё правильно дочка, — ответила она. — Заходи, я тебя встречу.

Я ничего не понимала, видимо во всем этом мне только предстояло разобраться. Поэтому я взяла свои вещи пошла в больницу. Едва я вошла в холл, как тут же увидела крёстную, которая шла ко мне навстречу. Если бы я не знала, что она должна меня встретить, то никогда бы не узнала её. Крёстная из тех женщин, которая всегда следила за собой. Всегда была ухоженная, при макияже и укладке. Сейчас же мне на встречу вышла женщина с убранными в хвост волосами, без макияжа и с тёмными кругами под глазами.

— Крёстная?! — то ли спросила, то ли поприветствовала её я. — Что ты здесь делаешь? Что случилось?

— Беда деточка случилась, беда! — с этими словами она бросилась в мои объятия, и едва оказавшись в них, тут же зарыдала.

Пока она плакала, я понимала, что сейчас ничего от неё не добьюсь. Но я уже прекрасно понимала, что эта беда связана с моими родителями. И чем дольше рыдала на моей груди крёстная, тем сильнее нарастала моя тревога.

– Беда девочка моя произошла. – Она посмотрела на меня глазами, опухшими от слёз.

Было видно, что она плакала, и плакала очень долго.

– Какая беда? Что случилось? – вновь спросила я, стараюсь изо всех сил, чтобы не начать её трясти, желая получить ответ.

– Коля и Олеся в аварию попали. Мама твоя на месте погибла, а папа в реанимации лежит, сейчас он в коме. Врачи не дают никаких гарантий...

Она говорила дальше что-то ещё, но я уже ничего не слышала. Внезапно перед моими глазами всё поплыло, сердце пронзила дикая боль. Я почувствовала, как на меня рухнул мой спокойный и налаженный мир, придавив меня своими обломками. В миг, в один я лишилась самых близких людей, моих родителей. Мама, мамочка, ещё вчера я разговаривала с ней по видеосвязи, она улыбалась, говорила что скучает, что ждёт. Я так ждала встречи с ней, хотела утонуть в её объятиях, почувствовать тепло её рук. А сейчас всё, страшные слова: «погибла на месте». А мой папуля, мой милый и родной папуля. Он сейчас лежит в коме, и никто не знает, выживет он или нет. Всё что только что у меня было, в миг перестало существовать.

– Арина, Арина! – я увидела, как крёстная машет руками перед моим лицом, а ещё рядом какой-то человек в белом халате. – Ты меня слышишь, Арина?! – пыталась она докричаться до меня.

– Да, слышу, – с трудом выдавила из себя я.

Оглядевшись, я поняла, что нахожусь в какой-то палате.

– Что случилось? – оглядываясь по сторонам, спросила я.

– Арина Николаевна, вам плохо стало, – начал объяснять доктор, – мы вас сюда привезли. – Как вы себя чувствуете?

– Не знаю, – я виновато пожала плечами.

Да и как должен себя чувствовать человек, которому сейчас такой страшной новостью пронзили сердце. Человек, которые ещё несколько минут назад и не подозревал, какой страшный удар его ждёт.

– Где мой отец, я хочу его увидеть! – я попыталась встать, но голова предательски закружилась.

– Арина, дочка, – обратилась ко мне крёстная, – может тебе ещё полежать.

– Нет, – решительно ответила я и, собрав все свои силы, которые почему-то предательски меня покинули, встала с кровати. – Я хочу увидеть моего папу. Отведите меня к нему.

Поняв, что со мной спорить бесполезно, доктор помог мне подняться, и мы пошли к моему отцу. Мы шли по коридору, поднимались на лифте. И чем ближе мы подходили, тем чаще замирало моё сердце.

– Только не долго, – попросил меня доктор, открывая

дверь в реанимацию, где лежал мой папа.

Я осторожно вошла внутрь, мой отец лежал на кровати, опутанный проводами как паутиной. Во рту была трубка ИВЛ, в руке капельница, а на груди куча датчиков, которые отмеряли каждый удар его сердца.

– Как он? – спросила я, посмотрев на доктора.

– Плохо, – ничего не скрывая, признался он. – Он в очень тяжёлом состоянии, мы боялись, что он не переживёт эту ночь. Было две очень сложных операции, нам пришлось ввести его в медикаментозную кому.

– Какие прогнозы? – спросила я, скорее не как дочь, а как врач.

– Неутешительные, – снова прямо ответил доктор. – Всё решат несколько дней, если он придёт в себя, значит, это уже будет хорошо, если нет, то вероятность того, что он проснётся, с каждым днём будет снижаться.

Понимая, что мне нужно побыть с папой, доктор похлопал меня по плечу и вышел. А я подошла к папе и, присев рядом с ним, взяла его за руку.

Глава 3

– Папочка, папулечка, – прошептала я, держа его за руку. – Папочка, пожалуйста, живи. Не бросай меня, пожалуйста. Ты мне очень нужен.

Я просила папу не бросать меня, просила быть со мной рядом. Говорила, как сильно я его люблю, как скучала по нему, как сильно он мне нужен. Я умоляла, просила, а по щекам ручьями текли слёзы, падая на папину руку. Я надеялась, что он меня слышит, что чувствует моё присутствие. И зная, что я его здесь жду, обязательно очнётся. Я чувствовала, ему просто необходимо знать, что он здесь нужен.

Я не знаю, сколько просидела около папы, но в реанимацию вошёл доктор и попросил меня выйти. Мне очень не хотелось покидать папу, но я сама врач и прекрасно понимаю, что это такие правила. Поэтому я нехотя встала со стула, поцеловала папу в щёку и вышла.

– Арина Николаевна, – вновь обратился ко мне доктор, – я понимаю, что вам сейчас очень тяжело, но я просто обязан вам это сказать. – Начал он и замолчал, видимо подбирая слова, чтобы что-то мне сказать. – В машине во время аварии был не только ваш отец, в ней находилась так же и ваша мама. – Он снова замолчал. – Мне очень жаль, но к приезду скоро она была уже мертва.

– Где она? – тихо прошептала я, и новый поток слёзы хлы-

нул из глаз.

— Она находится в морге, вам нужно её опознать. — Доктор сочувственно посмотрел на меня. — Если вы пока не готовы, то...

— Я готова, — согласила я.

Потом доктор позвонил кому-то, за нами пришли, и мы с крёстной отправились к маме. И чем ближе мы подходили, тем реже билось моё сердце. Оно словно пропускало удары, жизнь замедлилась. Я не заметила, как мы пришли.

— Вы готовы? — услышала я отдалённый голос мужчины, в ответ я молча кивнула.

Тогда мужчина приподнял простыню, и я увидела маму. В этот момент моя жизнь разделилась на до и после. И если папа сейчас лежал в реанимации хоть и в тяжёлом состоянии, но он был жив. А вот у мамы больше нет шансов.

— Нет, нет, нет, — начала повторять я, отрицая очевидное. — Нет, этого не может быть нет!

Больше не в силах на это смотреть я бросилась в объятия крёстной. Как же я благодарна, что она сейчас рядом, вместе со мной. Одна без неё я бы не пережила весь этот ужас.

Дальше всё было как в тумане. Словно всё происходило не со мной. Я будто за всем наблюдала со стороны. Были похороны, поминки, громкие и красивые слова её коллег и наших общих знакомых. Все что-то говорили, сочувствовали. А я просто стояла и смотрела на мамину фотографию, с которой она смотрела на нас улыбающимися глазами. На кото-

рой она ещё была жива.

— Держись девочка, — прошептала мне мамина коллега.

— Бедняжка, как же тебе тяжело! — сочувствовали Максимовы.

— Мы тебя понимаем, — говорили другие.

Но вряд ли кто-то мог понять то, что я чувствую. Вряд ли человек может понять потерю мамы, самого близкого и родного на всем белом свете человека. Вряд ли может понять тот, кто не терял. А я сейчас столкнулась с горькой реальностью, которая диким пламенем боли выжигала мне душу, оставляю в ней пустыню. Я понимала, что больше никогда не увижу маму. Она больше никогда меня не обнимет, не погладит нежными и невесомыми движениями по голове. Не возьмёт расчёску и не расчешет мне волосы, как в детстве. Не улыбнётся, не поддержит.

И чем чётче я это осознавала, тем сильнее была моя боль!

Люди почти все ушли с кладбища, отправившись на поминки в местное кафе. А я осталась одна, неподалёку стояла лишь крёстная. Она понимала, что сейчас мне нужно побыть одной, чтобы проститься с мамой. Проститься навсегда!

Не в силах больше сдерживать боль, я опустилась на колени и, закрыв лицо руками закричала. Мой крик не был похож на человеческий, он больше походил на звериный крик. Крик, полный боли, слёз и отчаяния.

Вечером, когда все разошлись, и мы с крёстной убрали со

стола и перемыли всю посуду, я решила узнать у неё всё, что здесь произошло. Хотя я очень устала, и у меня практически не было, начать этот разговор я должна была сейчас. Потому что происходило что-то странно, и не просто странное, а очень страшное. А так она была не только моей крёстной, но и лучшей подругой мамы, то должна быть в курсе этих страшных событий.

– Крёстная, – обратилась я к ней, когда она убирала остатки еды в холодильник. – Что здесь произошло? Почему наш дом нам больше не принадлежит? Почему погибли мои родители? Что здесь вообще происходит?

– Ох, доченька, – тяжело вздохнула она, садясь на стул. – Здесь столько всего произошло. Даже не знаю с чего начать.

– Начни с начала, – посоветовала ей я.

– Я много не знаю, Арин, – начала она, – несмотря на то, что мы с твоей мамой были лучшими подругами, проблемы она свои от меня скрывала. Я тут приболела немного, сердце барахлило, вот она и замалчивала всё. Я как не спрошу у неё что случилось, она лишь дежурно отвечала, что всё хорошо. А я же видела, что с ней что-то не так. Но она только отмахивалась, мол, временные трудности на работе у Коли. И всё. Меня видимо берегла.

– И ты не знаешь, что за трудности? – спросила я. – Даже не догадываешься?

– Ну что уж не догадываюсь, теперь я знаю, в чём там дело было. Теперь шило в мешке не утаишь. – Объяснила она, но

понятно мне ничуть не стало.

– Ты о чем? – не поняла я.

– О том, что на фирму твоего отца рейдерский захват был. И не раз. Там такое творилось, как в лихие девяностые. Фирму он, конечно, отстоял, но проблемы на этом не закончились. Потом со счетов фирмы таинственным образом исчезла очень крупная сумма денег, а вместе с ней и бухгалтер. На фирме начались большие проблемы, тогда твоему отцу предложили её продать. Он, конечно, долго пытался сам решить эту проблему. Но ситуация выходила из-под контроля. Тогда он согласился её продать. Так же он был вынужден продать и дом.

– И кто теперь владелец нашей фирмы? – спросила я.

– Тот же, кто и владелец вашего дома. Лютый. – Назвала крёстная уже порядком надоевшего мне человека.

– Господи, жуть какая, ну и прозвище у него. – Меня аж передёрнуло.

– Это не прозвище, дочка, это фамилия. – Уточнила она.

– Да кто он такой, этот Лютый? – спросила я не то у неё, не то у себя.

– Очень страшный человек, Арина, очень страшный!

Да это и понятно, с такой-то фамилией.

Глава 4

Да что вообще такое происходит? Кто этот Лютый такой? Откуда он взялся? Раньше о нём в нашем городе точно слышно не было. Понятно, что меня не было здесь пять лет, но тем не менее. Это означает, что это совершенно посторонний человек в нашем городе. И он почему-то решил, что может вершить судьбы людей, может забирать то, что было не им нажито и заработано. Почему он отобрал у нас всё, что мой отец зарабатывал с таким трудом, когда его сутками не было дома, когда он сам, вместе с рабочими пропадал на стройках. Когда он обивал пороги в столице, чтобы получить определённые дотации, когда он продал дом и квартиру своих родителей, чтобы вложить деньги в бизнес. И сейчас, когда все было налажено, появился некий Лютый и всё забрал.

То, что он случайно скупил всё за бесценок у моего отца, я не верю. Напротив, я уверена, что именно он и устроил эти трудности моему отцу, чтобы у него не осталось ни малейшего шанса подняться с колен. А потом просто всё взял и скупил.

Да я даже не удивлюсь, что и аварию моим родителям подстроил именно он.

Только вот почему такие люди, как этот страшный человек с говорящей фамилией Лютый решил, что может так легко вершить судьбы других людей.

– То есть получается, что этот Лютый отобрал у нас всё? И у меня сейчас вообще ничего нет?! – ещё не до конца верила в происходящее я.

– Почему же, есть. – Выдала крёстная, на что я вопросительно посмотрела на неё. – У тебя есть клиника, в которой сейчас находится твой отец.

– А что, разве Лютый не забрал её? – искренне удивилась такому повороту я. – Или в его планы не входит лечить людей?

– Я думаю, что этот гад и клиникой бы не побрезговал и устроил бы проблемы и там. Только Николай, едва проблемы все эти начались, клинику тут же на тебя переписал. Так она этому уроду и не досталась. – Рассказала крёстная.

– То есть я теперь владелица частной клиники? – спросила я.

– Именно, – подтвердила она.

– Да, и ещё небольшого счёта в банке, – добавила она, – Николай успел о тебе позаботиться.

– Странно, папа не говорил, что построил клинику. – Удивилась я, потому что он всегда мне рассказывал о своих планах.

– Потому что это для тебя сюрприз был. Он собирался тебе её подарить, когда ты вернёшься в торжественной обстановке. Поэтому и не сказал ничего. А уж потом тем более, не до разговоров было. – Повела крёстная. – Он ведь тот долгострой для этого выкупил, и дотации выбил. Тут такой

праздник по случаю её открытия в городе был. Он сюда лучшие кадры пригласил. У меня даже запись этого открытия есть.

– Боже, за что? За что нам всё это? – взмолилась я.

– Не знаю, дочка, не знаю. – Растерянно покачала головой крёстная.

Мы проговорили ещё полночи, а потом, когда крёстная ушла спать, я включила ту самую запись.

Сколько же народа собралось на это открытие, приехали даже большие гости из столицы. Вот мой папуля в сопровождении мамы стоит около красной ленты. Он берёт в руки микрофон и начинает говорить речь.

– Спасибо вам всем, что собрались здесь в этот знаменательный для меня день! – говорит уверенно мой отец, и только мы, знающие и любящие его люди, знаем, как он волнуется, и чувствуем небольшую дрожь в его голосе. – Я построил эту клинику для всех вас, чтобы вы все могли обратиться сюда. Я пригласил сюда на работу самых лучших специалистов, которые будут следить за вашим здоровьем. В этой клинике будут работать специалисты разного профиля. В том числе здесь будет и родильное отделение. Но самое главное, здесь будет открыто кардиологическое отделение с новейшим оборудованием и техникой. И связано это с тем, что моя дочка учится на врача-кардиолога. Милая моя, родная Ариночка, – обращается ко мне с экрана папа, а у меня замирает сердце и начинает пропускать удары, – эту клинику я построил для

тебя. И когда ты вернёшься, то сможешь работать в ней и спасать жизни людей. Я знаю, как ты об этот мечтала, и как для тебя это важно! Я очень люблю тебя, доченька! – говорил он, а у меня ручьями текут слёзы.

– Я тоже люблю тебя, папочка, – шепчу я, словно он меня может услышать.

Затем папа берёт ножницы и перерезает красную ленту. Аплодисменты, поздравления, речи большие людей.

А вновь и вновь, раз за разом пересматриваю папино обращение ко мне. И мне от этого радостно и больно одновременно. Радостно, что папа исполнил мою мечту, что он сделал всё это для меня. А больно, что я больше никогда не увижу маму, и не знаю, выживет ли папа. И это видео единственное, где они ещё вместе, живые и здоровые.

Я почти до самого утра пересматриваю эту запись, так и не ложась спать. Утром крёстная так и застаёт меня в гостиной с заплаканными опухшими глазами.

– Ты что, дочка, тут всю ночь просидела? – спрашивает он, затем садится около меня и обнимает.

В ответ я молча киваю, и снова горячими обжигающими ручьями льются слёзы. Сколько я ещё буду плакать? Сколько из меня будет выходить эта боль? Станет ли мне когда-нибудь легче?

– Идем, я покормлю тебя? – заботливо шепчет она. – Тебе, доченька силы нужно, чтобы дальше жить. Чтобы за отца

бороться, чтобы в клинике работать.

– Я знаю, – соглашаюсь я, – но ничего не могу с собой поделать. Мне так больно, крёстная, так больно! – признаюсь ей я и тут же зарываюсь в её объятия.

– Я знаю, девочка моя, я знаю! – гладит она меня по голове, как когда-то гладила мама.

В моей голове тут же возникают флешбеки, которые причиняют мне нестерпимую боль.

– Плач моя девочка, плач, – заботливо шепчет крёстная, – может хоть так тебе станет немного легче.

Но легче мне не становится, сколько бы я ни плакала, наоборот, казалось, что боль моя только увеличивалась, оставляя в моей душе огромную пустоту.

После того, как я немного успокоилась, крёстная накормила меня завтраком. И хоть я была совсем не голодна, но поесть мне всё же пришлось, чтобы не расстраивать её. Потому что я видела, как сильно она за меня переживает.

– А где вещи моих родителей? – спросила я. – Или этот Лютый совсем ничего не дал им забрать?

– Ну что же, все важные вещи они забрали. Документы, старые фотографии, да и вообще всё необходимое. – Немного успокоила она меня.

– И где они? – поинтересовалась я.

– Они квартиру маленькую на окраине купили. Я тебе сейчас адрес напишу и ключ дам. – Ответила крёстная.

Она пошла, искать ключ и писать адрес, а я быстро соби-

раться. И едва в моих руках оказался заветный ключ, я отправилась по неизвестному мне адресу.

Я получила права сразу после школы, и ездила за рулём за границей. Но сейчас машины у меня не было. Поэтому я в очередной раз воспользовалась услугами такси. Потому что как добраться до туда на автобусе я не знала.

Дорога действительно была не близкая. Видимо квартира, которую они купили, находилась на самой окраине города в домах старой постройки. И туда, не то, что ли автобусы. Машины-то не ездили почти. Но сейчас, пока мы ехали с таксистом по указанному мной адресу, за нами следом ехал огромный чёрный внедорожник. И это навело на меня некий страх.

Глава 5

Чего я только не придумала себе, пока за нами ехал этот внедорожник. Фантазия моя нарисовала сразу тысячи историй, и не все они были с благоприятным концом. Но когда мы повернули на нужную нам улицу, машина проехала дальше. Не появилась она и когда мы подъехали к дому. Оглядевшись по сторонам, я ничего подозрительного не увидела.

Дом, в котором мои родители купили квартиру, как я предполагала, находился далеко на окраине и был очень старой постройки. Многие из этих домов уже давно расселили. Так что из одиннадцати домов, жилых осталось всего пять. Ещё когда я жила здесь, эти дома уже требовали капитального ремонта, но так его и не дождались. А помню я это, потому что в одном из них жила бабушка моей одноклассницы.

Да уж, видимо дела у моего отца действительно обстояли очень плохо, раз он купил квартиру в таком доме. Да и сама квартира наверняка оставляет желать лучшего. Собравшись с духом, я поднимаюсь на нужным мне этаж. Надо же дверь вполне современная. Достаю ключ, открываю дверь, и снова приятно удивляюсь. Квартирка хоть и маленькая, но довольно чистенькая и ухоженная. Видно, что здесь недавно был сделан косметический ремонт.

В квартире две маленькие комнаты, небольшая кухня и прихожая, а так же совмещённый санузел. Ну, ничего, я ожи-

дала худшего. А квартира оказалась вполне пригодной для проживания, да что там, очень даже уютной.

Но потому, что вещи моих родителей так и остались стоять в чемоданах и коробках, я поняла, что они так и не успели здесь пожить.

От этой мысли меня вновь накрыла тоска, а к горлу подступил ком. Бедные мои, родные мама и папа, что же вам тут пришлось пережить, пока меня не было? Даже представить страшно.

Тут же гоню от себя эти мысли, а иначе снова начну плакать. А мне сейчас нужно собраться с силами и духом и выяснить, что же всё-таки произошло здесь за время моего отсутствия, и почему этот Лютый решил наложить лапу на наше имущество. А главное, откуда он взялся?

То что, всё это делалось целенаправленно, это понятно. В нашем городе, отец не самый богатый человек, но и не мелкий предприниматель. Но произошло всё это именно с ним. Что это совпадение или начало чьей-то войны?

Перебираю вещи, стараясь разглядеть любую мелочь. Чтобы хоть что-то пролило свет на происходящее, но, увы, ничего не нахожу. Даже документов на то, что клиника принадлежит мне. Единственное, что я нахожу в косметичке мамы, какой-то ключик, похожий на ключ от банковской ячейки. Но пойдй сейчас пойми от чего он.

Так ничего не найдя, я собираюсь возвращаться в город. Нужно ещё навестить папу, а затем нотариуса, с которым

обычно работал мой отец.

Перед уходом решаю выглянуть в окно и тут же отпрыгиваю от него, около подъезда стоит тот самый внедорожник.

Да что тут, чёрт возьми, происходит?! Неужели они следят за мной?

Но едва я это подумала, как машина тут же срывается с места и уезжает. Тогда я, чтобы не терять даром времени, вызываю такси, а сама собираю самые ценные вещи. Потому что возвращаться в эту глушь одна я вряд ли решу в ближайшее время.

И когда подъезжает такси, я вздыхаю с облегчением и выхожу из квартиры.

Обратный путь в город к моему удивлению и облегчению, проходит без приключений и слезки.

После посещения квартиры я отправилась в больницу. Доктор мне сегодня не звонил, а значит, никаких изменений у папы нет. И это радует. Ночь он сегодняшнюю пережил, это уже хорошо. Мне очень хочется проводить с ним время, быть рядом, чтобы он это чувствовал, но вряд ли мне разрешат зайти в реанимацию. Я, конечно, была у него вчера, но это было скорее исключение, чем правило.

Приезжаю в клинику, нахожу нужного мне врача, чтобы узнать подробности о папе. Благо он находится в своём кабинете.

– Арина Николаевна, добрый день. – Приветствует он ме-

ня, едва я захожу в кабинет.

– Здравствуйте, – в ответ приветствую его я. – Как папа?

– Пока без изменений, – отвечает он, указывая мне на стул, – но в его случае и это хорошо. – Пересказывает он мои мысли.

– Мне хотелось бы его увидеть, – прошу я, – я понимаю, что не положено, но...

– Идемте, я вас провожу, – прерывает он меня. – Думаю, несколько минут никому не принесут вреда. – Он встаёт из-за стола.

– Спасибо. – Благодарю, его я и встаю следом.

Потом мы поднимаемся с ним в реанимационное отделение, где находится мой отец.

Едва я захожу в палату, как моё сердце тут же сжимается. Вчера я видела его такого беспомощно, опутанного проводами и датчиками, но я была в шоке от произошедшего и слабо соображала. А сейчас картина кажется мне ещё страшнее. Я сажусь около папы и беру его за руку, доктор тут же выходит из палаты.

– Здравствуй, папочка, – тут же начинаю разговаривать с ним я, – вот я снова пришла к тебе. У меня всё хорошо, я вернулась к вам с мамой. Теперь я никуда не уеду. А ты выздоравливай поскорее, ты мне очень-очень нужен. – Прошу его я.

Я не знаю, слышит он меня или нет. Но мне хочется, чтобы он знал, чтобы почувствовал, что я рядом и что очень

сильно нуждаюсь в нём. Хочу, чтобы у него был стимул жить и бороться.

Про маму я ему решила пока ничего не говорить. Сейчас мне нужно чтобы он очнулся, а уж там буду решать вопросы по мере их поступления.

Провожу с папой около часа. Разговариваю с ним, рассказываю, как люблю, что у меня интересного, как было там на учёбе. Рассказываю, как люблю их и как скучала. Говорю, а сама пытаюсь скрыть слёзы и дрожь в голосе.

Я вернулась с учёбы только вчера, а казалось, это было в другой жизни. А ведь это действительно так. Моя жизнь разделилась на до и после.

Глава 6

После того, как я побыла у папы, я вышла из палаты. В коридоре я снова встретила лечащего врача папы, который сообщил, что меня хочет видеть главный врач.

Выяснив, где находится его кабинет, я отправилась туда. Постучав, а затем, услышав разрешение войти, я открыла дверь.

– Здравствуйте, – поприветствовала я главного врача. – Олег Алексеевич сказал, что вы просили меня зайти. Но видимо я не вовремя? – спросила я, так как в кабинете, кроме главного врача находился ещё один мужчина.

– Нет, нет, Арина Николаевна, – главный врач встал с кресла и направился ко мне. – Проходите, мы как раз о вас говорили. – Объяснил он, на что я вопросительно посмотрела на него. – Знакомьтесь, это Аристарх Генрихович, нотариус вашего отца.

Я была наслышана об этом человеке, но никогда его не видела, лишь на старых фотографиях. Отец знал его с детства, они выросли в одном дворе и были хорошими друзьями. Но потом жизнь их развела в разные стороны. Аристарх Генрихович уехал с родителями в другой город, так как они были у него военные и постоянно переезжали. А папа остался в родном городе. Но четыре года назад папин друг вернулся и открыл свою нотариальную контору. И папа стал его клиентом,

если ему нужно было что-то сделать, он обращался к другу.

– Здравствуйте, Арина Николаевна, – мужчина встал со стула и, взяв мою руку, галантно припал к ней губами. – Очень рад с вами познакомиться лично. Коля говорил, что у него дочка красавица, но не думал, что настолько. Вы очень похожи на вашу маму, она тоже была красивая женщина. Да, и примите мои соболезнования. – После этих слов он заметно погрузтел. – Очень жаль, что всё так произошло, и что нам приходится встречаться при столь грустных обстоятельствах.

– Спасибо, – лишь поблагодарила его я и тут же опустила глаза, чтобы не показать своих слёз.

– Крепитесь, деточка, – Аристарх Генрихович участливо похлопал меня по плечу. – А сейчас давайте приступим к делу, так как через час у меня назначен клиент, времени у нас с вами мало.

Аристарх Генрихович галантно пододвинул мне стул, я села, затем сел он. Занял своё место и Иван Алексеевич, главный врач.

– Арина Николаевна, вы, наверное, уже поняли из всего происходящего, что у вашего отца в последнее время были очень серьёзные проблемы в бизнесе. – Начал рассказывать он.

– Да, я это уже поняла. – Согласилась я. – Но почему папа мне не рассказывал о своих проблемах? Он всегда говорил, что у него всё хорошо, я даже представить не могла, что всё

настолько серьёзно.

– Коля очень любил вас, поэтому не хотел расстраивать. К тому же он до последнего надеялся, что вы всё же согласитесь на предложение о работе за границей и какое-то время останетесь там. Ведь он же уговаривал вас на это, не так ли?

Действительно папа прямо перед моим приездом ни один раз предлагал мне остаться работать за границей. Аргументировал это тем, что я получу там хороший опыт. Я не придавала этому значения, списывая все на его заботу. Думала, что так он действительно хочет, чтобы я набралась опыта у лучших докторов, а уже потом вернулась домой. Меня тогда не насторожило даже то, что поначалу он очень ждал моего возвращения, а потом вдруг переменялся.

– А пока вы будете работать за границей, он надеялся за это время уладить свои дела. – Продолжил Аристарх Генрихович. – Но когда проблемы стали расти в геометрической прогрессии, он понял, что нужно спасти клинику и переписал её на вас. Потому что изначально она строилась именно для вас. Это был его подарок вам.

– Поверить не могу, что у папы были такие серьёзные проблемы. – Прокомментировала его рассказ я.

– Очень серьёзные, – подтвердил нотариус. – Сейчас я передам вам документы, которые подтверждают дарение вам этой клиники. Все документы уже оформлены, вы полноправная владелица.

Аристарх Генрихович протянул мне папку с документами.

– Но рекомендую вам оставить документы здесь в сейфе, чтобы они были в сохранности. – Посоветовал он. – Засим позвольте откланяться, меня уже ждут.

Аристарх Генрихович так же галантно попрощался, как и поприветствовал, а затем вышел. А мы остались с Иваном Алексеевич в кабинете вдвоём.

– Арина Николаевна, – обратился ко мне главврач. – Идёмте, я покажу вам ваш кабинет. Ваш папа специально обставлял его для вас, по вашему вкусу.

Я взяла папку с документами и отправилась следом за мужчиной, смотреть свои новые апартаменты. Действительно всё было обставлено так, как я люблю и цветовая гамма, и мебель и её расстановка. Всё-таки папа знал меня как свои пять пальцев, он меня чувствовал, понимал. Мы были очень близки и с мамой, она меня сильно любила, оберегала. Давала мне всю ту нежность и ласку, которую должна давать мама ребёнку. Но с папой у нас была какая-то особенная связь. Он словно заранее знал, чего я хочу. Я ещё не могла определиться со своими желаниями, а папа уже всё знал. Он как-то предугадывал, чувствовал. И мне очень нравилась эта таинственная связь между нами.

И сейчас, находясь в этом кабинете, обставленном папулей специально для меня, я почувствовала всю ту тоску и боль от нашего разрушенного мира.

– Я вас оставляю, – деликатно сказал Иван Алексеевич,

прекрасно понимая, что мне сейчас нужно побыть одной, – если что, я у себя в кабинете. – Сказал он и вышел, а я осталась в моём маленьком мире, который создал для меня папа.

Закрыв дверь, я убрала папку в сейф, спрятала ключ, а сама села за свой рабочий стол. И снова тоска и боль. На столе, в рамочках стояли наши семейные фотографии. На них мы ещё были самыми счастливыми. Мы были семьёй, не знающей тех страшных событий, которые произошли с нами сейчас. Там мы любили, мечтали и были счастливы.

Кто же стоит за всем этим? Кто разрушил наш мир? Кто забрал у меня маму? Неужели за всем этим стоит тот самый человек с жуткой фамилией Лютый?

Вряд ли его участие во всей этой истории чистое совпадение?

Нужно всё-таки наведаться в фирму отца, а теперь уже в логово Лютого зверя.

Но не успела я это подумать, как дверь в мой кабинет распахнулась, и на пороге появился Иван Алексеевич в сопровождении двух полицейских.

– Арина Николаевна, – обратился он ко мне, – это к вам.

– Здравствуйте, – поприветствовала я стражей закона и порядка, – чем обязана вашему визиту?

– Арина Николаевна, вы обвиняетесь в покушении на вашего отца. – Сказал один из них, а затем подошёл ко мне и, взяв меня за руку, надел на неё наручник.

Глава 7

После того, как он одну часть наручника защёлкнул на моей руке, другу защёлкнул на своей.

– У вас хоть ордер на мой арест есть? – спросила я у него.

– В участке разберёмся! – грубо и коротко ответил полицейский.

– Ордер есть? – повторила я, поражаясь его наглости.

– В участке разберёмся! – повторил он, словно других слов не знал.

– Я имею право на один телефонный звонок! – не отступала я.

– Вы, Арина Николаевна, фильмов насмотрелись? – не без наглой ухмылки спросил он. – Я же сказал, в участке разберёмся! – видимо это его любимая фраза, которую он просто обожает повторять.

Ну, или на других эта фраза действует безотказно, и они идут за ним как собачки на поводке, не возражая.

– Иван Алексеевич, – обратилась я к главному врачу своей клиники, – будьте добры, свяжитесь, пожалуйста, с Аристархом Генриховичем. Пусть он пришлёт мне хорошего адвоката.

– Хорошо, – покорно ответил доктор и тут же набрал номер папиного друга.

– Давайте поедem в участок и там разберёмся! – недоволь-

но пробубнил полицейский и резко потянул меня за собой.

– Я же сказала, что никуда с вами не поеду! – повысив голос, ответила ему я. – Ордера на мой арест у вас нет, а то, что вы творите сейчас, называется беспредел.

– Тогда я увезу вас силой! – стояла на своём упрямец. – А потом ещё и статью впаяю за сопротивление при задержании! – перешёл на угрозы он.

– Давайте, уводите силой! А потом посмотрим майор, как вы майор, лейтенантом станете! – не уступала ему я.

То, что тут творился полный беспредел, и этот майор пришёл ко мне с конкретной целью, это я поняла. Поняла я так же и то, что авария, в которой пострадали мои родители, была не случайной. Её подстроили. Вопрос только кто?

Но больше меня сейчас интересовало, этот майор сам додумался меня в убийцы записать или ему подсказал кто? Потому что, он был ой как настроен на победу надо мной. Наверняка думал, что я сейчас спасую, и, дрожа от страха, поеду с ним в полицию.

Но я этого делать не собиралась. По его поведению было видно, что все его действия не подтверждены документально. У него нет никакого ордера на мой арест.

И это было мне на руку. Я могла сейчас тянуть время до приезда адвоката. Потому что здесь у меня шансы связаться с нужными людьми куда выше, чем, нежели я буду находиться в СИЗО.

– Арина Николаевна, – обратился ко мне Иван Алексее-

вич, – Аристарх Генрихович сказал, уже отправил к нам адвоката Аверина. Он как раз был поблизости, поэтому минут через пять будет у нас.

– Спасибо большое, Иван Алексеевич. – Поблагодарила его я, а затем обратилась к майору. – Вот сейчас приедет мой адвокат, тогда и поговорим.

Ничего не ответив, мужчина снял с нас наручники и убрал их в карман. А затем, взял телефон и, отойдя в сторону, кому-то позвонил. Его разговор длился буквально пару минут. Я ожидала от него потом чего угодно, но не то, что они внезапно, ничего не сказав просто уйдут. Да что там уйдут, они чуть ли не бегом из больницы уходили.

– И что это было? – пребывая в не ком шоке, спросила я Ивана Алексеевича, хотя по его лицу было видно, что знал он ровно столько же, сколько и я.

В подтверждение моих слов он просто пожал плечами и развёл руками.

После того, как полицейские ушли, буквально через минут пять приехал адвокат, которого прислал ко мне Аристарх Генрихович. И узнав, что полицейские ушли так же внезапно, как и пришли, очень удивился. Он поговорил с главным врачом, задал ему несколько вопросов, что-то записал себе.

Затем, отпустив Ивана Алексеевича, мы с адвокатом принялись обсуждать произошедшее, пытаюсь понять, что происходит. Почему эти странные полицейские сначала упорно

пытались меня арестовать, а затем резко исчезли. И кто им позвонил. Но сколько бы мы об этом не думали, вопросов становилось больше, чем ответов. А вернее, ответов не было совсем. Тут вдруг в дверь моего кабинета постучали, и на пороге появился мужчина.

– Здравствуйте, – поприветствовал он нас, приоткрыв дверь, – мне нужна Арина Николаевна Дмитриева.

– Здравствуйте, это я. – ответила я ему. – Проходите, пожалуйста.

– Разрешите представиться капитан Корсаков Виталий Дмитриевич, – он достал из кармана удостоверение и показал нам поочерёдно. – Я веду дело об аварии, в которой пострадали ваши родители.

– И вы тоже? – удивилась я.

Да что ж за день-то сегодня такой, следовательно на следователе и всем от меня чего-то нужно.

– Вы тоже меня арестовывать пришли? – поинтересовалась у него я.

– Нет, а должен? – он удивлённо посмотрел на меня, садясь на стул.

– А разве не я у вас главная подозреваемая? Вам же проще всего обвинить невиновного и закрыть дело! – напрямую спросила я. – Так вот, у вас ничего не выйдет! Я пригласила сюда своего адвоката, и буду разговаривать с вами, только в его присутствии.

– Аверин Сергей Алексеевич, – представился он, показав

следователю своё удостоверение.

– Арина Николаевна, – обратился ко мне следователь, – а с чего вы решили, что вы главная подозреваемая? И почему я вас ТОЖЕ пришёл арестовывать? – спросил он, сделав при этом акцент на слово тоже.

– Ну, потому что ваши коллеги уже приходили сегодня, – начала объяснять я. – Сказали, что я главная подозреваемая по делу. Надели на меня наручники и хотели арестовать.

– Какие коллеги? – он вопросительно посмотрел на меня, словно слышал об этом впервые.

– Я не знаю, они удостоверение не показывали, в отличие от вас. Сказали, что я главная подозреваемая, нет, не так. Сказали, что я обвиняемая. И хотели увезти меня в участок. – Вкратце рассказала я ему.

– Этого не может быть, – запротестовал Корсаков. – Это дело веду я лично и к вам из полиции никто не мог приезжать. Тем более что вас никто ни в чём не обвиняет.

– А кто же тогда ко мне приезжал? – удивилась я, понимая, что я совсем ничего не понимаю.

– А вот это и мне хотелось бы знать! – немного сердито ответил следователь.

Глава 8

– Что же это получается? Что те, кто хотели арестовать Арину Николаевну, были вовсе не полицейские? – спросил Аверин.

– Получается, что так! – уверенно ответил следователь Корсаков. – Сергей Алексеевич, я вас уверяю, что Арина Николаевна и не была у нас в списке подозреваемых. Во-первых, она вернулась сюда впервые за пять лет. Во-вторых, убивать своих родителей у него не было мотива. Глупо рубить сук, на котором сидишь. – Он посмотрел на меня, видимо ожидая моей реакции, а затем продолжил. – Ну и в-третьих, у Дмитриева были серьёзные проблемы в бизнесе. Он нам сам неоднократно писал заявления об угрозах. Мы начали расследование, и тут произошла эта авария. То, что вашего отца хотели убить, это очевидно. Был перерезан тормозной шланг. К тому же свидетели говорят, что за машиной вашего отца ехал огромный чёрный джип без номеров и именно он спровоцировал аварию.

– Чёрный джип? – задумчиво спросил Аверин.

На что мы с Корсаковым вопросительно посмотрели на него. Поняв, что мы ждём объяснений, он продолжил.

– Когда я подъезжал сюда, от больницы резко сорвался чёрный джип. Он даже чуть аварию не спровоцировал, не уступив дорогу. – Объяснил адвокат.

– Получается, что на этой машине приезжали за вами те самые лже полицейские. – Сделал вывод Корсаков.

– Очень интересно, – пребывая в шоке, ответила я. – И кто они такие?

– А вот это нам и предстоит выяснить, – ответил следователь. – Арина Николаевна, вспомните, пожалуйста, всё, до мельчайших подробностей. Как они пришли, что говорили, всё.

Я стала в подробностях рассказывать Аверину и Корсакову о визите этих людей. Я старалась вспомнить всё до мелочей, чтобы мужчины хоть как-то могли за что-то зацепиться.

– То есть получается, что как только Иван Алексеевич сообщил вам, что Аристарх Генрихович отправил к вам адвоката Аверина, этот так называемый майор кому-то позвонил. И после этого они сбежали. – Выстроил Корсаков логическую цепочку. – Но почему они испугались? Ведь могли же идти до конца. А ещё, могли и до приезда Сергея Алексеевича вас увезти. Просто прояви настойчивость и возможно вы бы сдались. – Он посмотрел на меня.

А ведь он прав. Я была полностью уверена, что они из полиции. И просто тянула время. Мне нужно было подключить адвоката, чтобы уже он знал, где я. Поэтому увезти меня у них были все шансы.

– Сергей Алексеевич, – обратился Корсаков к юристу, – а вы уверены, что раньше никогда не видели эту машину?

– Уверен. – Твёрдо ответил адвокат. – А почему вы спра-

шиваете?

– Ну, потому что, услышав вашу фамилию, они испугались и сбежали. Вполне возможно, что вы знаете кого-то из них. Возможно, сталкивались в каких-то делах. И если бы вы их увидели, то сразу бы поняли, что никакие они не полицейские. А им этого было не нужно.

– Возможно, – согласился Аверин. – Но может быть дело совсем в другом.

– В чем? – хором спросили мы.

– В том, что весь этот спектакль бы рассчитан именно на Арину Николаевну. Они же не удостоверений не показали, ни документов каких-то. У них была только форма и всё. А если бы я приехал, то в два счёта раскусил бы их. Они ей-то простыми словами всё говорили, ссылаясь на разговор в участке. А о чём бы они со мной разговаривать стали? Правильно, ни о чём. Вот и трусили.

– Всё равно, здесь что-то не так, – задумчиво произнёс Корсаков. – И нам предстоит это выяснить.

Я думаю, что следователь Корсаков прав. Этот спектакль с арестом был действительно рассчитан на меня. Им нужно было просто увезти меня без шума и пыли. А так, доблестная полиция арестовывает убийцу своих родителей. Никто никуда звонить не будет, спасать не будет. Полиция же увезла, значит было за что. И всё тихо, спокойно. Вези меня куда захочешь, никто мешать не будет.

Но я сбила их планы, когда решила отстаивать свои права и стала бить во все колокола. В итоге подключила адвоката, который по их сценарию появиться вообще не должен был.

Но почему именно они испугались, нам ещё только предстояло выяснить. И единственная идея, которая сейчас пришла мне в голову, это посмотреть записи с камер видеонаблюдения. То, что они в больнице есть, я знаю. Видела их и при входе и в холле и в коридорах. Только вот работают ли они. Вот это вопрос.

– Арина Николаевна, – обратился ко мне Корсаков. – У вас в больнице есть камеры видеонаблюдения?

Спросил он, словно читая мои мысли.

– Камеры есть, – утвердительно ответила я. – Но подключены они или нет, я не знаю. Но думаю, мы сможем это выяснить.

Я набрала номер Ивана Алексеевича, который он мне сам предусмотрительно записал и положил на рабочий стол, и попросила его зайти. Видимо он сегодня тоже больше этой ситуацией занимался, а не пациентами, потому что тут же примчался ко мне.

– Вызывали, Арина Николаевна? – обратился он ко мне, едва вошёл в кабинет.

– Иван Алексеевич, – сразу перешла я к делу, – у нас ведь есть камеры видеонаблюдения, так? – в ответ он молча кивнул. – А они работают?

– Да, ваш отец сам лично занимался клиникой, поэтому

здесь всё работает. Никакой видимости. – Ответил он, чем нас заметно порадовал.

– А где мы можем посмотреть записи? – задал вопрос Корсаков.

– На первом этаже в кабинете охраны. Идёмте, я вас провожу.

И мы все вместе незамедлительно отправились туда, чтобы приоткрыть хоть маленькую завесу уже порядком надоевшей тайны.

– Вот они, видите, заходят в больницу, – комментирует следователь, – но заметьте, лица они прячут. Поворачиваются так, чтобы их сложно было рассмотреть. Вот по коридору идут, тоже лица полностью не видно. Они знают расположение камер, словно были здесь.

– Возможно, они заходили сюда под видом пациентов, – сделал вывод главврач. – Это больница, а не стратегический объект, сюда кто угодно может зайти.

– Здесь есть несколько камер, которые совсем не заметны, – ступает в разговор охранник, на что мы все дружно поворачиваемся на него. – Они поехали в лифте, – продолжает он, – в двери встроена видеокамера, она не заметна, а вот сзади них камера вполне видна, поэтому вполне вероятно, что к той камере они встанут спиной, но засветятся на этой. Вот, смотрите, – мужчина переключает камеры и действительно, оба лжеполицейских у нас как на ладони.

– Вот это да, – восхищается Корсаков, – красавцы какие!

– Ваш отец настоял на установке нескольких таких камер, предчувствие у него было не хорошее. – Поведал нам охранник.

– Подождите, – вступает в разговор Аверин, – а вот этого я кажется, знаю. Нет, не, кажется, точно знаю.

Глава 9

Вот это поворот, неужели хоть какое-то просвет? Неужели хоть какой-то ответ, на наши многочисленные вопросы. Едва Аверин сказал эти слова, мы все тут же посмотрели на него.

– Вот это, – указал он на стоп-кадре, – он проходил по делу о похищении дочки одного банкира в Москве.

Ого, вот это поворот! В самой Москве! У нас-то он что забыл? Неужели по мою душу сюда приехал? Но зачем? Кому я нужна, если ко мне похитителя прямиком из Москвы вызывают.

– Он и его друг, которого, кстати, тогда так и не взяли, похитили дочку известного банкира Сулимова. Требовали выкуп, угрожали. Сулимов был готов заплатить, уже и деньги собрал, но девочка сбежала. Как ей это удалось вообще не понятно. Но она не просто сбежала, но и местонахождение похитителей указала. Когда их брать приехали, один сбежал, а вот этого арестовали. Посадили его на пять лет. Я, тогда как раз с Аристархом Генриховичем в Москве был, и он меня к одному адвокату пристроил, чтобы я опыта понабрался. Так вот на том деле, мой наставник был бесплатным адвокатом у этого похитителя. А затем передал дело мне. Думаю, поэтому они и сбежали, он может, догадался, что тот Аверин и я одно лицо.

– И как его зовут? – поинтересовался Корсаков.

– Пряхин Антон Антонович! Я его хорошо запомнил! Наглый такой, надменный! – адвокат аж передёрнулся от воспоминаний об этом человеке. – Да, и ещё, этот самый Пряхин и до этого подозревался в похищениях, но только доказательств не было. Так что эпизод с дочкой Сулейманова единственный доказанный. Мой наставник накопал на него ещё несколько эпизодов, но доказать не смог. Стояли за этим Пряхиным не простые люди. Проще сказать наёмник он, и все его похищения, это лишь заказы. Пряхин исполнитель, не более.

– Получается, что и Арину Николаевну заказали. – Пришёл к выводу следователь. – Но кто? Арина Николаевна, у вас есть какие-то варианты? – он посмотрел на меня, наверняка надеясь, что я помогу ему распутать этот клубок, назвав, хоть какое-то имя, но я ничем не могла ему помочь. Я даже не представляла, кто мог за мной охотиться. И единственный человек, который сейчас пришёл мне на ум, это Лютый.

– А что если меня заказал Лютый? – сделала предположение я.

– Кирилл? – удивлённо произнёс Аверин. – Нет, это вряд ли.

– Почему вы так думаете? – не поняла его реакции я. – Этот самый Лютый забрал у моего отца фирму и дом. Возможно, он имеет виды на эту клинику и ему нужна я.

– Насколько мне известно, Кирилл купил ваш дом вполне

законно. Да и фирма с торгов ушла почти за бесценок. – Ответил Сергей Алексеевич.

– Да, но до этого ничто вашему Кириллу не мешало устраивать на фирме моего отца рейдерские захваты, запугивать его, угрожать! – стояла на своём я, искренне не понимая, почему Аверин так его защищает.

– Я Кирилла знаю с детства, – выдал Аверин, и я поняла, почему он на его стороне. – Он конечно вспыльчивый, с обострённым чувством справедливости, но чтобы так грязно играть, это вряд ли.

– Теперь понятно, – стала выходить из себя я. – Даже если ваш Лютый убивать меня будет, вы не пошевелитесь, он же ваш друг!

– Арина Николаевна, успокойтесь! – Аверин взял меня за руку. – Да, я давно знаю Кирилла, и не верю что это он. Но с другой стороны, его здесь не было почти пятнадцать лет. За это время всё могло произойти. Поэтому мы всё проверим, правда, Сергей Алексеевич.

– Да, – подтвердил следователь. – Я конечно с Лютым близко не знаком, и не знаю, на что он способен, а на что нет. Но я обязательно наведу о нём справки. Ну и об этих красавцах тоже.

Потом следователь забрал запись с камер наблюдения и, попрощавшись, уехал.

– Я тоже наведу справки о Кирилле и этих людях по своим каналам. – Заверил меня Аверин. – И не смотря ни на что,

буду действовать в рамках закона.

А затем, попрощавшись тоже уехал. Ну а я отправилась к доктору, чтобы узнать о состоянии моего отца.

Но папа по-прежнему был без изменений. Доктор меня уверял, что это всё равно хороший знак. Что если нет ухудшений, то это тоже хорошо. Я как врач это понимала, но как дочь принять не могла.

Чтобы мне стало хоть немного легче, мне разрешили к нему зайти. Папуля так же лежал на кровати опутанный проводами и датчиками, которые монотонно отмеряли его давление и пульс.

– Ох, папуля папуля, – вздохнула я, садясь около него. – Если бы ты сейчас мог говорить, возможно, смог бы мне помочь во всем этом разобраться.

Говорила я, а он молчал. А ведь я даже не знаю, слышит ли он меня, хотя очень на это надеюсь.

– Папочка, выздоравливай, пожалуйста, ты мне очень нужен, – я взяла его за руку, – мне без тебя очень трудно. Возвращайся скорее. – Я поцеловала его руку. – Что же у вас тут произошло? Почему вы с мамой ничего мне не рассказывали? Возможно, если бы я была в курсе всего, мне т сейчас было бы легче во всем разобраться.

Но папа молчал. А я молилась, чтобы он выкарабкался, чтобы выжил. Потому что гибель обоих родителей я уже не переживу. Я снова вспомнила о маме, и ком подступил к мо-

ему горлу, а глаза вмиг наполнились слезами. Чтобы не расстраивать папу, вдруг он чувствует всё, я вышла в коридор и, навалившись на стену и сползая вниз, заплакала.

– Арина Николаевна, – обратился ко мне главврач, – с вами всё в порядке? – он взял меня под руку и помог мне встать.

– Да, всё в порядке, спасибо. – Я быстро вытерла слёзы. – Скажите, пожалуйста, я могу посмотреть историю болезни моего отца. Хочу понять, что нас ждёт.

– Да, конечно можете. Но думаю, что сейчас рано делать вообще хоть какие-то прогнозы. Нужно дождаться, пока Николай Алексеевич хотя бы придёт в себя. – Объяснил он мне.

– Да вы правы, – согласилась я, – но всё же...

– Сегодня же история болезни Николая Алексеевича будет лежать на вашем столе. – Улыбаясь, прервал он меня. – Но я хотел поговорить с вами совсем по другому поводу.

– Я слушаю вас. – Ответила я.

– Я думаю, что данный разговор будет уместнее продолжить в моём кабинете. – Предложил он, и мы тут же отправились туда. – Арина Николаевна, – начал он, когда мы уже сидели за столом в его кабинете. Насколько мне известно, вы дипломированный врач-кардиолог. Более того, вы имеете опыт в операциях.

– Да, я проходила практику в одной из ведущих клиник под руководством профессора Бергсона. И даже несколько раз ассистировала ему на операции. – Ответила я.

– Именно поэтому я хочу предложить вам работать с нами в этой клинике. Быть не только её хозяйкой, но частью нашего дружного коллектива. – Сделал он мне предложения, которое зацепило меня за живое. – Николай Алексеевич очень тщательно подбирал весь коллектив. Несмотря на все трудности, которые на нас свалились, мы смогли выстоять только потому, что мы друг за друга горой. И вас мы тоже в обиду не дадим. – Иван Алексеевич по-отцовски похлопал меня по руке. – Кстати, работать вы будете под руководством врача кардиолога из Санкт-Петербурга Ковалёва Семёна Семёновича.

– Того самого Ковалёва? – не поверила я, услышав имя такого выдающегося доктора.

– Да, да, того самого, – мужчина улыбнулся мне. – Семён Семёнович решил перебраться к нам, а там оставил своего приемника и ученика.

– Так что скажите? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Скажу, что я согласна. Для меня большая честь работать вместе со всеми вами. – С радостью приняла предложение я.

Сейчас мне было очень тяжело морально справляться со всей этой ситуацией. И предложение Ивана Алексеевича как нельзя кстати. Так я смогу не только погрузиться в работу, и хотя бы на время забыть о том, что произошло. Но и смогу быть постоянно рядом с папой.

– Что ж, – Иван Алексеевич встал с кресла, – тогда идёмте

знакомиться с коллективом. – Он посмотрел на часы. – У нас как раз сейчас должна быть пятиминутка. Операций на сегодня не назначено, по скорой никто не поступал. И пока всё в штатном режиме, вы сможете со всеми познакомиться.

– Идёмте, – улыбаясь, согласилась я, и мы отправились в ординаторскую.

Глава 10

Я была очень благодарна Ивану Алексеевичу за то, что предложил мне эту работу. Да, я планировала сразу же, как только вернусь домой, устроиться на работу по специальности. Сидеть на шее у родителей я не планировала, да и практика мне была нужна. Но все эти страшные события выбили меня из колеи.

С тех пор, как я работаю в больнице, прошла неделя. Целая неделя, как я тружусь в больнице. Я веду приёмы, назначаю лечение, провожу обходы. И чем больше я работаю, тем больше понимаю, что выбрала профессию правильно. Мне нравится лечить людей, нравится им помогать. Я чувствую необычное удовлетворение, когда понимаю, что помогла человеку, что моё лечение пошло на пользу.

Мы даже провели с Семёном Семёновичем одну операцию. Боже, как же я волновалась. Я, кажется, так не волновалась, когда работала под руководством профессора. А под руководством Сим-Сима (так его ласково звали в коллективе) волновалась. Но по окончании операции, он подошёл ко мне и, похлопав по плечу тихо сказал:

– Ты на своём месте, девочка. – А затем улыбнулся и вышел, а я так и осталась стоять и переваривать его комплимент.

Я неделю лечила людей, спасала жизни. А жизнь моего

отца до сих пор была под вопросом. Он всё так же был в том же состоянии, без изменений. Юрий Петрович по-прежнему уверял меня, что и это хороший знак, что если ему не становится хуже, это уже хорошо. Но чем дольше отец проводил без сознания, тем больше я волновалась. Так за первой неделей прошла вторая, затем третья. Я все дни проводила в больнице, а к крёстной приходила лишь ночевать.

Поначалу она журила меня, что я не отдыхаю, что загоняю себя работой. Но потом сдалась. Наверное, просто поняла, что работа и есть моё единственное спасение от страшных мыслей.

За это время ничего не произошло. Меня не преследовала ни полиция, ни кто-либо ещё. Всё стало тихо и спокойно, словно и не было того кошмара, который я пережила недавно. Да я бы, наверное, и сама поверила, что это сон. Если бы не могила мамы, которую я навещала почти каждый день, да отец, лежащий без изменений в реанимации.

Я молилась, я умоляла дать моему отцу ещё один шанс. Я просила Бога сохранить ему жизнь. Я просила папу не покидать меня и быть рядом.

И они меня услышали. Сегодня, едва я закончила приём и собралась идти домой, ко мне прибежала сиделка, которую я наняла отцу, и сообщила, что папа пришёл в себя.

Едва я услышала эти слова, как галопом побежала в реанимацию. Вокруг него уже собралось много врачей, которые тут же начали осмотр. Туда же попыталась пробиться и

я, но Иван Алексеевич остановил меня.

– Арина, – обратился он ко мне, – мне нужно с тобой серьёзно поговорить.

Главврач взял меня за руку и отвел в сторону.

– Что-то случилось? – с опаской спросила я. – Что-то с папой?

В ответ мужчина лишь молча кивнул.

– Что? – испуганно произнесла я, но он молчал. – Это что-то серьёзное? – главврач молча кивнул, видимо подбирая слова, чтобы сказать мне эту новость как можно мягче.

Молчал доктор, молчала и я. Но чем дольше длилось молчание, тем сильнее нарастало напряжение. А сердце моё чувствовало, что должно произойти что-то плохое. Я даже испугалась этого предчувствия, и тут же поёжилась как от холода.

– Арина, – наконец-то заговорил доктор. – Пока Николай Алексеевич был в коме, мы не могли судить о том, как сильно он пострадал. Вернее, мы знали, какие были повреждения у него, но какие будут последствия, мы не могли судить. Но сейчас, когда он пришёл в себя, картина стала вырисовываться. И она отнюдь не радостная.

– Что с ним? – не желая и дальше ходить вокруг да около, задала я прямой вопрос.

– Во время аварии, твой отец очень сильно пострадал, это вообще чудо, что он выжил. – Всё равно начал доктор издалека. – Машина, словно банка консервная была, их ни

один час оттуда выковыривали. Поэтому сюда его доставили в очень плачевном состоянии. Мы боялись, что он может умереть в любую минуту, но он выжил. Более того, сегодня он пришёл в себя. Но произошло то, чего мы так боялись, — он снова замолчал.

— Что? — с опаской спросила я, хотя мой мозг уже рисовал самое страшное.

— Он ничего не чувствует, ни ног, ни рук. — Выдал страшное он.

— Почему? — выдавила я из себя.

— При аварии у него были множественные переломы, не обошло это и позвоночник. В общем, ему нужна операция, и ни одна. Операция на позвоночнике. Но, несмотря на то, что Николай Алексеевич напичкал нашу больницу лучшим оборудованием, собрал штат из лучших врачей. Но такого специалиста у нас нет. Из наших никто не возьмётся за такую операцию. Слишком большой риск. Но и даже операция не даёт никакого шанса на полное восстановление.

— Хотите сказать, что мой отец может на всю жизнь остаться инвалидом? — задала я пугающий вопрос.

— К сожалению да, — ответил он и опустил глаза. — Арина, прости, но я должен был сказать тебе всю правду.

— Что мне сейчас нужно делать? — спросила я, потому что сидеть, сложа руки, я не собиралась.

— Я наведу справки по своим знакомым и узнаю, в какой клинике смогут взяться за этот случай. Но нужны будут день-

ги и не малые. Потому что провести эту операцию нужно как можно быстрее. — Объяснил доктор.

— Я могу увидеть его? — спросила я.

— Да, — ответил Иван Алексеевич. — Мы уже провели все необходимые обследования, прежде чем сообщить тебе, что он очнулся. Поэтому сейчас ты можешь навестить его. Но, пожалуйста, ему пока не нужно ничего знать. Николай не из тех людей, которые смогут спокойно принять такую новость.

— Я знаю, поэтому ничего ему не скажу. — Ответила я и пошла к отцу.

— Папа, папочка, — я присела около него. — Папулечка, мой, как же я рада, что ты очнулся, что ты вернулся, что меня не бросил. — Я взяла его за руку.

Папа молча смотрел на меня, а из глаз его текли слёзы. Я взяла его за руку, а он этого даже не почувствовал. Он сам понял всю плачевность ситуации. Но я должна была вселить в него надежду на лучшее, что бы он боролся, чтобы не сдавался.

— Всё будет хорошо, — я погладила его по щеке, — вот увидишь, папочка, всё будет хорошо. Тебе просто нужно восстановиться. — Я говорила как можно бодрее и увереннее, что он поверил. Хоть немножечко, хоть чуть-чуть.

Я убеждала папу, что всё будет хорошо, но сама не верила в это. Я говорила бодро и уверенно, а сама была готова разрыдаться от беспомощности и боли. Но я держалась, улыбалась. Мне было нужно, чтобы он мне поверил. Ему сейчас

это было просто жизненно необходимо.

– Ма-ма, – с трудом пробормотал он. – Г-де?

И тут меня словно током ударило. Как? Как я ему сейчас скажу, что её больше нет. Что он её больше никогда не увидит.

– О-о-она... ж-жив-ва? – продолжал спрашивать он, с огромным трудом выдавливая из себя слова.

– Да, – солгала я, тогда папа облегчённо вздохнул.

Не знаю, правильно я поступила или нет, но сейчас я не смогла сказать ему правду. Он бы просто её не перенёс. И тогда напрочь отказался бы бороться.

– Папулечка, ты прости меня, – я ему улыбнулась, – но я теперь здесь работаю и сейчас мне нужно идти на приём. Меня пациенты ждут. Я к тебе позже обязательно забегу.

Я погладила его по щеке, поцеловала, а затем быстро вышла из палаты.

И едва я закрыла за собой дверь, как слёзы горячим потоком полились по моим щекам. Опустившись на кушетку, я закрыла лицо руками и заплакала.

– Арина, – обратился ко мне Иван Алексеевич, – что случилось?

– Я не смогла, – я подняла на мужчину заплаканные глаза, – я не смогла ему сказать, что мамы больше нет. Я не смогла! – объяснила я и снова зарыдала.

– Ты всё правильно сделала, – он присел рядом со мной и обнял меня. – Сейчас это ложь во спасение. Его спасение.

Глава 11

Да! Да! Да! Доктор тысячу раз прав. Права сейчас и я. Если папа узнает, что мамы больше нет, он не будет бороться. Потому что уже сейчас папа прекрасно понимает всю пагубность ситуации. И я, Иван Алексеевич, да кто угодно, можем хоть тысячу раз говорить о том, что всё хорошо, что это временно, папа всё понимает.

Я видела это по его реакции на моё прикосновение, я видела это по его глазам.

Поэтому новость о маме его просто на просто добьёт. Это будет последняя капля. Я это прекрасно понимаю. Но, чёрт возьми, как же всё-таки паршиво на душе от этой лжи. Как больно, что сейчас приходится обманывать родного человека. Говорят, что это ложь во благо, во спасение! А существует ли такая ложь? Кто-нибудь знает? Или это придумали те, у кого не хватило духу сказать правду? Вот как я сейчас! Я оправдываю себя этой красивой фразой. Как же всё сложно! И как всё запутанно.

– Он никогда меня не простит, – шепчу я в объятиях Ивана Алексеевича. – Он никогда меня не простит за эту ложь.

– Твой отец умный человек, он всё поймёт и обязательно простит! – успокаивает меня главврач.

Умный? Да, он прав, папа умный, очень умный. Но работает ли это, когда ум застилает боль и отчаяние от потери

любимого человека? Способен ли в такие моменты человек рассуждать здраво? Вряд ли! Поэтому вряд ли мой папуля будет способен быть умным на тот момент, когда узнает, что мамы больше нет. Что нет его Лисёнка. Так он называл маму. Олесья, Лесья, Лисёнок. Они столько лет были вместе, но по-прежнему любили друг друга. Да, были у них и трудные моменты и ссоры. Но они всегда поддерживали друг друга. Мама поддерживала папу, когда он шёл к своей цели и строил бизнес. Папа поддерживал маму, когда она болела и когда открыла своё ателье. Они всегда и всюду вместе. И как он теперь без неё? Что будет потом, когда он всё узнает? От этого вопроса больно щемит сердце и щиплет глаза.

Но это будет потом. Да, сейчас мне нужно отпустить эту ситуацию, и думать о том, как помочь папе? Как вернуть его к полноценной жизни?

– Иван Алексеевич, – вытирая слёзы, обращаюсь к доктору, – пожалуйста, узнайте, где можно папе провести операцию? И сколько это будет стоить?

– Я уже занялся этим вопросом, – успокоил меня он. – Я попросил Марию Викторовну заняться этим вопросом и обо всё доложить мне. Поэтому, как только появится что-то стоящее, я тебя обязательно скажу. А теперь давай успокаивайся, тебя ждут пациенты. Кстати, твоя любимица Светлана приехала. Спрашивает о тебе. Ей ты нужна сильной.

Подбодрил меня Иван Алексеевич, напомнив при этом об одной моей уже постоянно и любимой пациентке, маленькой

девочке Свете. Это действительно светлая девочка. Очень умная, начитанная, рассудительная. Несмотря на свои юный возраст, а ей всего лишь восемь лет, девочка уже очень много пережила.

Дело в том, что у неё врождённые порок сердца. Очень сложный случай. Она проходит постоянное лечение, но спасти её может только операция. Очень дорогая и сложная операция. Учась за границей, я не только видела, но ассистировала на такой операции. Но в нашей стране, такие операции делают единицы врачей. Но наш Си-Сим может помочь девочке. И сейчас он взял её под свой контроль, а я провожу все необходимые манипуляции под его чётким руководством.

И чем ближе становится тот знаменательный день, тем страшнее становится всем нам. Мы понимаем, что идем на большой риск, но и тянуть с операцией больше нельзя.

А Светочка очень привязалась ко мне. Она очень сильная девочка и стойко переносит все процедуры, даже самые болезненные. Но в последнее время просит меня быть с ней рядом. Я держу её за руку, а она мне улыбается. Улыбается даже когда очень больно. Она маленький боец, и я верю, она обязательно справится.

Иван Алексеевич прав, мне не нужно показываться ей в таком виде. Поэтому перед тем, как идти к девочке, захожу к себе в кабинет, поправляю макияж. И лишь потом иду к своей юной пациентке.

Захожу в кабинет, где меня уже ждут Света и её мама. Бедная женщина, она одна борется за жизнь своей дочери. Её муж, едва узнав, что малышка родилась с пороком сердца, тут же ушёл. Теперь они имеют от него лишь алименты. А он повторно женился и уже завёл, как он сам выразился «нормальных» детей.

А разве её вина, что она родилась такой? Разве она одна сможет себя спасти, это под силу, только когда кто-то есть рядом. Но с ней рядом мама, которая никогда не бросит и не предаст. Которая ночами сидела у постели дочери, которая ночами вымаливала для неё жизнь. Которая сейчас выбивала квоту на проведение операция. Которая добилась всего, чтобы спасти дочь. И сейчас они стоят у финишной прямой. Ещё немного, и они одержат победу над болезнью.

Да, потом будет другой этап. Этап восстановления после операции. И его тоже нужно будет пройти. Но операция уже будет победа.

– Здравствуйте, Арина Николаевна! – радостно приветствует меня девочка, пытаюсь встать с коляски, но мама тут же останавливает её. – Я вам рисунок нарисовала!

Малышка протягивает мне рисунок, на котором изображен букет полевых ромашек. Красота не земная! Кажется, что они самые настоящие, настолько они реалистичны. Девочка просто талантище.

– Какая красота! – хвалю я работу Светы. – Как настоящие! Ты очень красиво рисуешь! – делаю я ей комплимент.

– Когда я выздоровею, я обязательно окончу художественную школу! – делится своими планами девочка. – И стану талантливым дизайнером.

– Молодец, – хвалю я её.

– А ещё я очень хочу ходить в школу, как и все ребята. Хочу, чтобы у меня были друзья. Хочу ходить на уроки, гулять вместе со всеми. – Продолжает делиться она.

Света, в силу своего недуга сейчас находится на домашнем обучении. И её желание ходить в школу и иметь детей вполне понятно. И я ей искренне желаю, чтобы её мечты обязательно исполнились. И о болезни ей напоминал бы лишь небольшой шрамик от операции. А сама болезнь навсегда отступила от неё.

– Всё это у тебя обязательно будет! – сажусь около неё и беру её маленькие ручки в свои. – Я тебе обещаю, мы с Семёном Семёновичем сделаем для этого всё возможное. Но и ты должна быть сильной. Должна выполнять все наши рекомендации. Уже завтра мы сделаем тебе операцию, но тебе предстоит ещё восстановление.

– Я знаю, я буду делать всё, что вы скажите! – бодро отвечает Светочка.

– Тогда поехали! – я беру коляску в свои руки. – Нас ждёт финальное обследование.

– Конечно! – радостно отвечает она.

И мы отправляемся с ней к Семёну Семёновичу, где он вынесет нам вердикт. Готова ли Света к завтрашней опера-

ции.

Глава 12

Когда я пришла домой, крёстная ещё не спала. Она готовила на кухне ужин и очень обрадовалась, когда я открыла дверь. Ещё днём я сообщила ей, что папа пришёл в себя, но в подробности вдаваться не стала, сославшись на то, что всё расскажу вечером. Я не знала, как ей преподнести то, что мой отец практически обездвижен. Я ещё сама не до конца во всё это верю. Мне порой кажется, что все, что сейчас происходит какой-то дурной сон. Что я вот-вот проснусь, и всё будет как раньше. Родители мои будут живы и здоровы, я вернусь с учёбы в родной дом. А весь этот кошмар так и останется лишь приснившимся кошмаром. Господи, как бы мне этого хотелось. Но, к сожалению это не сон. Всё это происходит со мной наяву. И с каждым днём ситуация становится всё серьёзнее и серьёзнее. А мои проблемы нарастают друг на друга, словно снежный ком.

– Ариночка, ты пришла, как хорошо. – Выйдя из кухни, поприветствовала меня крёстная. – Иди мой руки, я как раз ужин приготовила.

Улыбнувшись ей в ответ, я просто прошла в ванную, вымыла руки, а затем вернулась на кухню. Крёстная накрыла на стол, и мы сели ужинать.

– Ну как там Коля? – спросила она, когда мы поужинали. – Ты сказала, что он пришёл в себя? Как он?

– Плохо.— Честно ответила я.

Сначала я хотела ей солгать, не говорить всей правды, чтобы лишний раз не расстраивать. Но она всё равно бы узнала, потому что пошла бы навещать папу, и всё поняла. И тогда наверняка обиделась бы на меня. Поэтому я решила рассказать ей, всё как есть.

– Он ничего не чувствует, ни рук, ни ног. – Выдала я страшную правду, и моё сердце вновь заныло от боли и от жалости к папе.

– Господи, бедный Коля! – лишь ответила крёстная, пребывая в шоке. – Неужели ничего нельзя сделать?

– Иван Алексеевич говорит, что нужна очень сложная операция, но у нас никто такую не делает. Он занялся поисками хирурга, и как только хоть что-то станет известно, он мне сообщит. – Рассказала ей я.

– Дай Бог, чтобы такой хирург нашёлся. Но, наверное, это очень дорого? – предположила она.

– Наверное, – согласилась с ней я. – Но сейчас об этом рано судить.

– А про Олесю ты ему сказала? – спросила крёстная.

– Нет, я не смогла.— Честно призналась я. – Он едва в себя пришёл, как тут же про маму спросил. Я не знаю, правильно я поступила или нет, но сказать я ему не смогла.

– Я думаю, что ты всё правильно сделала, дочка. – Согласилась со мной крёстная. – Нам нужно сначала Колю на ноги поставить, а там видно будет.

Мы обе ненадолго замолчали, словно переваривали в своей голове всю эту информацию.

– А что на счёт тех лже полицейских, есть какая-нибудь информация? – спросила она.

– Нет, всё глухо. Да я и не думаю, что они будут по городу разгуливать. Они наёмники, скорее всего. Сергей Алексеевич же сказал, что это не первый случай с их участием. А так как они знают Аверина, а он их, то вряд ли они снова появятся. – Пришла к выводу я.

– Они-то может, и не появятся, а вот кого твой враг пришлёт в следующий раз. – Сделала пугающие выводы крёстная. – Девочка моя, тебе нужно быть как можно осторожнее.

– Но я не могу всю жизнь бояться и оглядываться! – я вскочила со стула и стала нервно ходить по кухне. – Я не могу всё время бояться! Так и с ума можно сойти. Меня здесь пять лет не было, я многих здесь не знаю. Не могу же я ото всех шарахаться. – Не выдержала я.

– А что этот Корсаков говорит? Может к тебе охрану приставить? – беспокоилась за меня крёстная.

– Я тебя умоляю, меня же никто не похитил, никто ничего мне не сделал. Какое у них основание ко мне кого приставлять. – Ответила я.

– И что тогда делать? – растерянно спросила она.

– Завтра у меня очень важная операция. А вот послезавтра я сама наведаюсь к этому самому Лютому. Пусть он мне в глаза всё скажет, а не играет со мной в кошки-мышки! –

не выдержала я.

— Но это очень опасно! — стала возражать крёстная.

— Да вся моя жизнь сплошная опасность! — ответила я. — Но и жить в постоянном страхе я тоже не могу.

Вечером я твёрдо решила, что обязательно посетую логово Лютого, а прошлым фирму моего отца. В том, что за всеми моими неприятностями стоит именно он, я не сомневалась. Он играл подло и грязно. Чужими руками разрушил бизнес моего отца, а потом скупил и бизнес, и дом за бесценок. Чужими руками хотел убрать моего отца с дороги, потому что мой папа наверняка не собирался сдаваться. И рано или поздно он всё равно вернул бы всё себе. Это был просто вопрос времени. И я в этом уверена на сто процентов. Мой папа ни за что не оставил бы всё как есть. Нужно просто знать его и понимать, что он проигрывает битву, но никогда не проигрывает войну. И чтобы заставить его проиграть окончательно, нужно просто его убрать. Что и сделал Лютый. Но, даже уничтожив моего отца, Лютый не остановился, он продолжил охотиться за мной. Но чем я ему мешала? Неужели ему нужна клиника? А может этот Лютый мечтает стереть с лица земли всю нашу семью? Возможно, он нас ненавидит лютой ненавистью?

От всех этих мыслей у меня мороз пробежал по коже. И чем больше я об этом думала, тем чётче понимала, что это человек не перед чем не остановится. Он не успокоится, пока

не разберётся со мной.

Всё эти мысли почти всю ночь забивали мою голову, и я с трудом заставила себя уснуть. Уснуть не ради себя, а ради Светочки, операцию которой нам с Сим-Симом предстояло делать.

Поэтому хоть я и проспала где-то часа четыре, но всё равно проснулась отдохнувшей. Крёстная ещё спала, поэтому я приготовила нам завтрак, позавтракала, приняла душ и ушла на работу.

Я очень волновалась, как всё пройдёт. Как перенесёт девочка столь сложную и длительную операцию, которая без малого длилась семь часов. Но к счастью всё прошло хорошо. Мы с Семёном Семёновичем вышли из операционной, где нас ждала взволнованная мама девочки.

– Как она? Как Светочка? Как всё прошло? С ней всё в порядке? – выдавала женщина вопросы один за другим, словно боялась что-то упустить, что-то не спросить.

– Успокойтесь, Анна Викторовна, – улыбнулся ей Сим-Сим, – всё прошло просто отлично. Извините, но мне нужно идти, у меня срочный пациент, а Арина Николаевна вам всё подробно расскажет.

Семён Семёнович ещё раз улыбнулся взволнованной женщине и, попрощавшись, ушёл. А я осталась с ней, чтобы всё ей рассказать и успокоить.

– Анна Викторовна, – обратилась я к ней, – операция прошло очень хорошо. Ваша девочка просто умничка. Теперь

остаётся реабилитация. Но будем надеяться на лучшее. Вы прошли огромный путь, ещё немного и ваша дочка сможет вести почти обычный образ жизни. А сейчас идите домой, отдохните, поспите. К ней всё равно ещё нельзя будет заходить минимум сутки. А я вам обещаю, что сегодня останусь в больнице и лично прослежу за её состоянием.

– Я не могу уйти, а вдруг она захочет меня увидеть? А вдруг... – начала сопротивляться она.

– У вас умная девочка, она всё поймёт. К тому же до завтрашнего дня она точно проспит. А вам нужно отдохнуть. Вы нужны дочке бодрой и отдохнувшей. – Продолжала убеждать я маму Светы. – Поезжайте домой.

Ещё немного по сопротивлявшись, женщина всё же уехала домой. А я, проведав девочку, отправилась к папе.

Глава 13

Папа лежал и молча смотрел в потолок. Я подошла к нему, поцеловала его в щёку и взяла за руку.

– Привет, папочка! – как можно бодрее и веселее поприветствовала его я. – Ну как ты тут? Как себя чувствуешь?

Я понимала, что вопросы мои до безобразия глупы. Как может чувствовать себя больной парализованный человек, который ещё совсем недавно был полон сил и энергии? Правильно, паршиво! Потому что он прекрасно понимает, что он сейчас превратился в больного лежачего человека. И шансов на выздоровление у него мало.

Понимала это и я. Но я хотела показать ему, что всё будет хорошо, что всё поправимо, что я это верю. А значит должен поверить и он. И неважно, сколько слёз я пролила и сколько боли выплакала, чтобы сейчас улыбаться и быть бодрой. Главное сейчас вселить эту веру в папу.

– Пар-ши-во! – ответил отец. – Ле-ся к-как? – тут же спросил он про маму.

Папе каждое слово давалось с трудом. Он тяжело дышал, постоянно заикался, но про маму спросил. От этого вопроса у меня перехватило дыхания, а на глаза вновь накатили слёзы.

– Ле-ся, как? – вновь повторил вопрос он.

– Пока так же, – глубоко вздохнув, ответила я, – без со-

знания.

– Не врѣ-шь? – даже немного строго спросил он.

– Нет! – тут же ответила я, чтобы в моей правдивости у него не было никаких сомнений. – Тебя крёстная хотела навестить! – тут же перевела тему я. – Она очень обрадовалась, что ты в себя пришёл! Но я ей сказала, что к тебе пока не пустят, поэтому она передаёт тебе привет и скорейшего выздоровления!

– Не-на-до! – произнёс он.

– Что? – не поняла я.

– Не на-до ей м-ме-ня т-та-ко-го ви-де-ть! – стал возражать он.

– Она за тебя волнуется очень! – стала возражать я. – Её тоже можно понять. Вы с мамой для неё самые близкие люди! Она за вас переживает.

– Оста-вь м-меня! – попытался крикнуть он. – Я т-только обу-з-за! – продолжил папа.

– Папа, – я взяла его за руку. – Ты не обуза, ты мой отец! Ты дал мне жизнь, дал мне образование и работу! И я тебя никогда не брошу! Мы найдёт тебе лучшего врача, и поставим тебя на ноги! Слышишь!

– Н-нет! – продолжил возражать он. – Всё э-это беспо-лезно!

– Всё будет хорошо! – не отступала я. – Твой случай не безнадежен. Нужен только хороший врач. И Иван Алексеевич сейчас занимается его поисками. Так что всё будет хо-

рошо!

Папа ещё немного попытался возражать, но я тоже стояла на своём, убеждая его в том, что мы обязательно поставим его на ноги, и всё будет хорошо. Мне нужно было, чтобы он поверил, чтобы он боролся.

Потом на моё спасение пришёл Иван Алексеевич, подтвердил все мои слова. А потом пригласил медсестру, чтобы та сделала папе успокаивающий укол и он уснул.

— Он опять о маме спрашивал. — Поделилась я с главврачом. — Я сказала, что она без сознания. — Я тяжело вздохнула. — Сколько я ещё смогу так врать?

— Сколько будет нужно! — доктор похлопал меня по плечу. — Николай и так на грани отчаяния. Он в своё выздоровление не верит. А если про жену узнает, совсем сникнет. А нам этого допустить нельзя.

— Господи, хоть бы хирурга этого найти, чтобы хоть какие-то шансы были. — Взмолилась я.

— Я не хотел тебе говорить, но раз ты сама завела этот разговор, скажу. — Произнёс Иван Алексеевич пугающую фразу.

— Иван Алексеевич, что случилось? Вы меня пугаете? — взволнованно спросила я.

— Идём ко мне в кабинет, и я всё тебе расскажу. — Ответил мне главврач, и мы отправились к нему.

Признаться его слова меня очень напугали, пока мы шли к кабинету, я уже нарисовала в своём воображении несколько вариантов разговора. И чем больше я развивала события

в своей голове, тем чётче понимала, что мне нужно с этим заканчивать. Потому что ничего хорошего в голову мне не приходило. Видимо события последних дней всё же дали о себе знать. Я напрочь перестала верить в хорошее.

– На самом деле тебе нечего бояться, – продолжил он, когда мы уже были у него в кабинете. – Я нашёл хирурга, который может сделать операцию твоему отцу.

– Но? – зачем-то спросила я, потому что была уверена, что существует какое-то пресловутое «но».

Его просто не может не быть, оно обязано существовать. Потому что всё гладко и просто быть точно не может. И в этом за последние дни я убедилась очень хорошо.

– Но операция очень дорого стоит, – завершил он свою фразу, действительно добавив это «но».

– Сколько? – спросила я, ожидая увидеть какую угодно сумму.

Видимо не в силах произнести такую сумму, Иван Алексеевич написал её на бумажке и протянул мне.

– Сколько? – испуганно спросила я. – Это действительно так, или у меня нули от волнения двоиться начали?

– Действительно столько, – грустно ответил мужчина.

– Но у меня нет таких денег, – беспомощно пробормотала я.

– Я знаю, – ответил мне главврач, – именно поэтому я и не хотел пока тебе ничего говорить. Я связался с некоторыми людьми, позвонил в благотворительные фонды. По больнице

ключ кинул. Будем надеяться, что у нас получится собрать хотя бы половину суммы.

– А остальные деньги мы, где возьмём? – не понимала я.

– Я договорился с ним пока на половину, после операции вторая часть. Но потом тебе будут нужны деньги и на реабилитацию. – Закончил он.

– Сколько у нас времени? – спросила я, желая понимать, есть ли у нас это время вообще.

– Я рассказал этому доктору вкратце историю твоего отца, через три дня он приедет сюда, мы проведём полное обследование уже под его руководством, и уже тогда станет ясно, сколько у нас времени. – Коротко поведал он.

– Спасибо вам, – искренне поблагодарила я Ивана Алексеевича за проделанную работу.

– Ариночка, пока не за что, – засмутился он. – Я ничего ещё не сделал.

– Сделали, – опровергла его слова я, – и гораздо больше, чем вы думаете.

– Твой отец очень хороший и честный человек, – сделал он комплимент моему папе. – Он всегда думал о людях, о своих работниках, о городе, в котором живёт. Я уверен, что у нас получится собрать деньги на эту операцию и на последующее восстановление.

– Но каким бы хорошим он не был, но его пытались убить. – Сделал вывод я. – Иван Алексеевич, а вы знаете, кто такой Лютый? – зачем-то задала ему вопрос я, и уже почти

пожалела об этом. Вряд ли он может о нём хоть что-то знать.

– Кирилл? – неожиданно назвал он его имя. – Кирилл Лю-
тый? Ты про него спрашиваешь?

Глава 14

Вот это новость! Иван Алексеевич знает Кирилла Лютого! Ничего себе! Его знаю все, но не знаю я. Да кто же, ты, чёрт возьми, такой, Кирилл Лютый? Откуда ты взялся на мою голову?! Почему всё забрал у нас? И продолжаешь меня преследовать!

– Да, я про него спрашиваю. – Ответила я. – А откуда вы его знаете?

– Так они жили раньше в нашем городе. Кирилл и его родители. Он родился здесь. – Спокойно ответил он.

– И? – с опаской спросила я.

– Ну, где-то, год назад вернулся. Крутой такой, с кучей денег. У твоего отца как раз проблемы серьёзные уже были. Кирилл не раз предлагал твоему отцу фирму ему продать. Но твой отец отказывался, говорил, что фирмы ему не видать как своих ушей. Кирилл как-то сюда даже приходил, они повздорили сильно, вот я и слышал. – Коротко поведал Иван Алексеевич.

– А раньше его родители богатые были? Почему из города уехали? – сколько бы я не вспоминала, но вспомнить их я никак не могла.

– Да нет, самые обычные, бизнес свой они, кстати, хотели тут тоже открыть. Тогда все как с ума посходили. Все резко олигархами заделались. Твой отец стройку замутил. Родите-

ли Лютого тоже строительством занялись, бригаду сколотили. Был тут ещё один олигарх, кто на стройках помешался, фамилию не помню, мутный такой. Всё палки в колёса то твоему отцу, то родителям Кирилла ставил. Всё их обойти хотел. Даже игры грязные вёл. А потом сдался и уехал куда-то. Исчез из города, словно и не было его.

– У папы получилось бизнес построить, а у родителей Кирилла? – спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.